

Мартин Хенцельманн¹

ФОРМИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СЛАВЯНСКИХ МИКРОЯЗЫКОВ: РУСИНСКИЙ В СЕРБИИ В СРАВНЕНИИ С КАШУБСКИМ В ПОЛЬШЕ²

Как русинский, так и кашубский языки обладают характерными чертами славянских микроязыков. В данной статье сравниваются языковые ситуации и рассматриваются перспективы вышеупомянутых языков в микролингвистике. Исторические опыты и проблемы, возникающие в процессе кодификации, а также современные тенденции и возможности развития представляют наибольший интерес.

Язык, диалект и микроязык

Чтобы дать определение и классифицировать русинский и кашубский языки, необходимо остановиться на важнейших аспектах понятий „язык“, „диалект“ и „микроязык“. В каждом обществе язык имеет особое значение: с одной стороны, он объединяет ту или иную народность, с другой стороны, он играет главную роль в формировании определённых культурных особенностей (Порембска, 2006: 139).

Согласно Редеру (1995: 325–) стандартный язык – это теоретическая модель с тремя различными ступенями. В ступени-основании язык должен быть нормирован и носить обязательный характер в данном обществе. Кроме того для него характерно наличие различных поливалентных языковых уровней. На второй ступени язык должен быть автономным и живым, с древней историей и развивающейся кодификацией. Последняя ступень – это политическая поддержка языка. Здесь имеется в виду то, как определённое государство взаимодействует с языками, на которых говорят на его территории. При наличии всех вышеперечисленных критериев, речь идёт о *стандардном, литературном языке* (например, сербский или польский языки).

1 mhenzelmann@daad-alumni.de

2 Эта статья была написана во время моего пребывания в качестве стипендиата Германской службы академических обменов (DAAD) в городе Пловдив в Болгарии. Особую благодарность за большую поддержку я хотел бы выразить DAAD. Dieser Artikel entstand während eines DAAD-Stipendiaufenthaltes in Plovdiv/Bulgarien. Daher gilt mein besonderer Dank dem DAAD für dessen großzügige Unterstützung.

Как в Сербии, так и в Польше языковая ситуация характеризуется наличием большого количества диалектов (например, косово-ресавский диалект в Сербии или великопольский диалект в Польше). Они не отвечают вышеперечисленным критериям, не принадлежат к кодифицированному государственному языку. Клосс (1967) называет это явление *sprachliche Überdachung/Dachsprache* (*дахшйпрахе* или *язык-крыша*). Когда неписьменные проявления языка в известной степени понятны данному языку, они являются диалектами этого языка, или другими словами:

„Теоретически за разграничителен белег между език и диалекти би могло да се изпользва възможността за взаимно разбирање“ (Иванов, 1997: 8).

Интересна микролингвистика между языком и диалектом: при наличии некоторых письменных документов так называемого *микроязыка*, возможна ситуация, когда он недостаточно отличается от исходного или близкого ему языка. В связи с этим, рассматривая конкретные примеры, нас будут интересовать различные критерии для классификации и истории возникновения двух славянских микроязыков: русинского и кашубского.

Країшкая історія и круг проблем русинского и кашубского языков

Русинский язык принадлежит к восточнославянской языковой группе и в сильной степени похож на украинский язык. На нём говорят не только в Сербии, но и в других государствах, а именно: в Хорватии, на Украине, в Польше, Словакии и Венгрии. К тому же мы находим говорящих на нём эмигрантов в США и Канаде (Дуличенко, 1998: 126). Русинский язык – это единственный славянский микроязык, распространённый на территории южнославянских, западнославянских и восточнославянских стран.

В этой статье мы ограничимся основными данными по сегодняшней Республике Сербия. Там проживают около 30000-35000 (югославо-) русинов, особенно в Бачке, в автономном крае Воеводина. Они проживают в этом крае с середины 18-го века и были приглашены Марией Терезой в освобождённые от турков регионы, происходящие из сегодняшней восточной Словакии. Русины кодифицировали свой язык в 20-м веке (*руски литератјурни јазик*; Дуличенко, 1998: 126). История собственной письменности является очень важным критерием при определении термина „микроязык“. Дуличенко описывает этот основной для микролингвистики термин следующими словами:

„Что понимается нами под термином *литературный микроязык*? [...] Контуры ЛМЯ вырисовываются лишь тогда, когда единичные акты рассматриваемого характера постепенно превращаются в процесс, который мы называем *литературно-языковым*, т.е. это *организованный процесс*, в конечном

счете приводящий к созданию литературного языка“ (Дуличенко, 2006: 26-27).

Это значит, что для формирования литературного микроязыка необходима инициация этого организованного процесса. У русинов в Сербии уже в 18-ом веке существовали первые письменные тексты, которые имели как устные (*Керестурска хроника*, 1746; Дуличенко 1996: 21), так и церковнославянские формы. Сравнительно рано были основаны школы (вначале в Руском Керестуре в 1753 г.), изучавшие родной язык (Хорњак, 2007: 34). Начало 20-го века – эпоха этнического и культурного расцвета, когда были созданы важные для кодификации литературные труды: первый небольшой том лирики (1904 год) и грамматика (1923 год). Обе книги написал Гавриїл Костельник. Автор сам пишет, что речь идет о диалекте, который он хочет поднять до уровня стандартного языка (Медеша, 2007: 155). Другими словами, здесь мы видим прекрасный пример инициации данного организованного процесса, упомянутого профессором Дуличенко, и приводящего к формированию новых языковых форм. Ещё в начале 20-го века Гнатюк отмечал насколько важен данный вклад Костельника для дальнейшего развития языка и национального самосознания:

„Гнатюк [...] написал статью „*Поетични шаланїи медзи бачванскима Руснацама*“, у хторей дал високу оцену Костельника як поэта и указал на „окремне значене тей малючкєй кнїжочки“, хтора може дац спонукнуце и за витворене „*нового самостийного славянского народника*“.“ (Рамач, 2007: 189).

Можно привести ещё один пример. При определении принадлежности к современным микроязыкам очень важным фактором является наличие перечня грамматических правил, обрабатывающих язык в целях его приближения к уровню литературного языка. Указывая на важность создания таких правил, Медеша поясняет:

„Уж перше поровнанє самих назвох тих двох значних творох – *Грамаїишки бачвансько-рускей бешеди* и *Грамаїишки руского языка* було би достаточна основа за фундаменталне социолінгвистичне вигледованє на релациї *бачвансько-руска бешеди – руски язык*, з окремним акцентованьом на трансформованє и „дзвиганє“ бачвансько-рускей бешеди на уровень русского литературного (нормованого, стандартного) языка [...]“ (Медеша, 2007: 154).

После публикации трудов Костельника действительно наблюдается быстрое развитие литературных норм, появляется сравнительно большое количество публикаций в разных общественных институтах, например, в церкви, науке, литературном журнале „*Швейцоси*“, в журнале по литературоведению и языкознанию „*Творчоси*“ (с 1990 года выходящего под названием „*Studia Ruthenica*“) и в других институтах (Штегхерр, 2002: 400). В начале 20-го века такие авторы, как Винай, Фейса и Ковач внесли свой вклад в развитие русинского языка и расширение его литературно-культурных возможностей. В 1919 году в Новом Саде был основан русин-

ский союз „Руске Народне Просвештне Друштво“ („Русинский Народный Просвешительский Союз“), в котором также издавались литературные произведения, календари, газеты и другие творческие издания (Дуличенко, 1998: 132). Американский социолингвист Бэри Сэндерс говорит, насколько письменность важна для языковой культуры: малые народности в нашем мире создали свою собственную литературу (Сэндерс, 1995: 13).

Что касается дальнейшей принадлежности русинского к микроязыкам, для нас представляют интерес общие критерии в микролингвистике и их перенос на русинский язык в Воеводине. Во-первых, русинский является *очень маленьким* языком, ограниченным функционально и неподходящим для выражения всех коммуникативных аспектов (Куссе, 2009: 41). В современной Сербии это, в частности, означает то, что мы находим только маленькое количество носителей русинского языка и немногочисленные письменные документы (например, с начала 20-го века календари, детские журналы, позже, некоторые романы и единичные словари, газету „Руске слово“ или в современном мире некоторые страницы в интернете, как http://solejar.tripod.com/old_site.htm с песнями и стихотворениями). Недостаёт значительной части других видов текстов (например, большого количества словарей иностранных языков, переводов мировой литературы, по крайней мере её части, рецензий, путеводителей по разным странам мира, межрегиональных или даже международных газет или журналов, руководств по эксплуатации приборов и продукции, описаний на упаковках и товарах, учебников для многочисленных иностранных языков, сложных и абстрактных текстов, касающихся технологии или современных наук, таких, как микробиология, компьютерная техника и так далее).

Узнаваемая, малоупотребляемая письменность составляет один из главных критериев: Русинский является более функциональным, чем (бесписьменные) диалекты, но менее функциональным, чем окружающий его государственный сербский язык или, очень близкий ему, украинский. Это и является причиной того, почему украинцы считали, что русины это часть украинского народа (Хорњак, 2007: 30). С этим связан следующий критерий: у русинов нет своего государства, т.е. в любой стране они являются меньшинством. Необходимо подчеркнуть, что это характерно для большинства микроязыков. В связи с этим у русинов так же нет своего национального языка (Блуменвиц, 1996: 162). Так, русинский язык очень ограничен, т.к. он используется исключительно среди маленькой группы населения, на маленькой территории.

Ситуация кашубов в Польше немного отличается от русинов в Сербии. Язык распространён в северной Польше, недалеко от города Гданьск. В этом регионе около 50000 человек говорят по-кашубски (Бреза, 1998: 171). Его сходство с польским языком привело к тому, что до конца 20-го века вопрос, можно ли называть кашубский собственно языком или следует называть его диалектом, был спорным (Хенцель, 2003: 64–). Однако, с 15-го века существуют документы на кашубском языке, написанные

латиницей по польскому орфографическому образцу (Бреза, 1998: 176). Уже в 16-ом веке были переведены части Библии. Приблизительно 300 лет спустя Флориян Цейнова пытался развить литературные нормы. Для этого он создал грамматику, которая ценится в науке и по сей день. Это дало начало организованному процессу формирования литературного языка, который развивался в последующие годы. Дедеровски является первопроходцем кашубской литературы. Он хотел соединить разные диалекты в целях более обширного понимания. Его предложения были в общем приняты значительной частью авторов. Майковски перевёл на кашубский прозу „*Żeće ę pryigodě Remusa*“ („Жизнь и приключения Ремуса“). Так он создал новый способ выражения и пополнил богатство словарно-запаса (Божишковски-Мордавки-Тредер, 1999: 134).

Благодаря появлению журнала „*Zrzesz Kaszëbskô*“ („Кашубский Союз“), изданного при помощи *Zrzeszeńcy* (союзников), в конце 19-го века появляется генератор импульсов для оформления литературного языка (Божишковски, 1992: 17). Это развитие усиливалось и привело к созданию (польско-) кашубского словаря, например, „*Słownik jęzuka pomorskiego, czyli kaszubskiego*“ Ремульта. Так называемые „*Młodokaszubi*“ или „*Młodokaszëbi*“ („Молодые кашубы“) издавали тексты в прозе, стихотворения и маленькие театральные пьесы. В это время, территория населённая кашубами принадлежала Германской империи, а немцы (как и русские) считали, кашубский отдельным языком (Хенчель, 2003: 65). Отношение кашубов к нему играет особенную роль. С одной стороны, он выражает тождественность, с другой, различность культур. Несмотря на это, данная малая народность должна была защищать его и бороться за признание его автономности. Причина заключалась в том, что поляки не были согласны с немецко-русской точкой зрения, и считали, что речь идёт о „негативно отмеченном и отрицательном“ польском языке, вследствие чего кашубам очень долго было стыдно за свой малый язык (Божишковски, 1992: 16).

При рассмотрении кашубского языка, он напоминает о своих сходствах с русинским: кашубский язык также является *очень маленьким*, без собственного государства, не подходящим для создания текстов сложного уровня. Несмотря на наличие грамматики и словарей, они обслуживают только часть нормативных требований. Существуют кашубско-польский и кашубско-немецкий словари, но нет, например, кашубско-японского словаря. Здесь хорошо видно, что языковые запасы в данном языке больше, чем в обычных диалектах, но меньше, чем у государственных языков. В дальнейшем станет ясно, что этот факт имеет большое значение при толковании проблематики в сегодняшней интерпретации.

Ситуация после 1945 г. и современные наблюдения в Сербии и Польше

В отличие от других стран, русины в бывшей Югославии имели возможность расширять и в широком смысле защищать свой языковой вариант. С одной стороны, была введена новая лексика для увеличения языковых запасов, прежде всего позаимствованная из сербского и в меньших масштабах из русского языков (Рамач, 2007: 205–). Кроме того, были основаны разные общественные и государственные институты. С 1945 года издаётся газета *„Руске слово“*, в том же году была открыта русинская гимназия. В 1946 году был основан дом культуры в Руском Керестуре (серб. Руски Крстур), являющимся одним из культурных русинских центров, в 1951 году было основано издательство *„Руске слово“*, а в 1981 году – кафедра при институте в Новом Саде (Дуличенко, 1998: 132; Орос-Манић, 2007: 20; Штегхерр, 2002: 399–). Написание первого романа *„Жеми моя“* (*„Моя земля“*, 1967, автор Владимир Костельник) дало русинскому языку новые контуры и, особенно в 1970-х годах, необходимо отметить культурный и литературный расцвет: были написаны многочисленные книги, укрепляющие языковые нормы. В Русском Керестуре была открыта школа, ведущая все предметы на русинском языке, к тому же был основан союз *„Дружтво за руски јазик и лиџераџуру“* (*„Союз за русинский язык и лиџераџуру“*; Дуличенко, 1998: 133).

Становится понятно, что все эти высокие творческие показатели помогли развить нормы и стабилизировали языковой статус русинского языка (Дуличенко, 1998: 133). Этот феномен можно назвать исключительным, не повторяющимся в таких масштабах у русинов в других государствах, и ведущим в ближайшее время к формированию более функционального микроразговора. Ассимиляция русинов, например на Украине, была настолько сильна, что до 1991 года вообще не издавались никакие публикации на русинском языке. Ситуация в Польше и Чехословакии была значительно лучше, где с конца 1950-ых годов русинский язык употребляется в печатных средствах массовой информации (Штегхерр, 2002: 406). Однако развитие культуры русинов и языка стало возможным после перестройки в начале 1990-ых годов, а не как в бывшей Югославии, сразу после Второй мировой войны.

Значительный ущерб для успешного развития языка нанесла война в Югославии в 1990-ых годах. Несмотря на это, Рамач издал в середине 1990-ых годов сербско-русинский словарь (Дуличенко, 1998: 133). Его автор предполагает, что литературное творчество может стать очень важным в будущем для продления современного языкового развития (Рамач, 2007: 223). К тому же необходимо напомнить, что современные средства коммуникации, такие как интернет, играют большую роль для распространения любого языка. Кажется, что это является прямым преимуществом микроразговоров. Дорогие печатные материалы могут не закупаться, а переход к новым средствам информации является не только лёгким, но и менее затратным. Так газета *„Руске слово“* уже доступ-

на на сайте <http://nove.ruskeslovo.com/>, что подчёркивает честолюбивое стремление сохранить и распространить русинский язык. Дефицит количества научной литературы также уменьшается. Например, в 2006-ом году был издан словарь „Сербско-латинско-руски словник медицинскей терминологи“ („Сербско-латинско-русинский словарь медицинской терминологии“).

Что касается кашубов, то после Второй мировой войны языковое развитие не закончилось, наоборот, наблюдается его частичный рост, хотя и в меньших масштабах, чем у русинов. Несмотря на то, что во времена коммунизма права меньшинств не стояли на первом плане, всё равно удалось перевести многочисленные тексты с польского языка и даже наоборот. Были созданы ценные труды, среди которых орфографические правила (например, в 1975 году „Zasady pisowni kaszubskiej“, т.е. „Основы кашубской орфографии“ Брезы и Тредера), словари (например, „Słownik kaszëbsko-polscki; Słownik polsko-kaszubski“, т.е. „Словарь кашубско-польский; Словарь польско-кашубский“), энциклопедии („Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej“, т.е. „Словарь кашубских говоров на основе народной культуры“; Бреза, 1998: 176). Однако, до начала 1990-ых годов точка зрения поляков не принимала оформление нового языка. Считалось, что кашубский слишком похож на польский и его особенности объясняются только в качестве польского диалекта. К тому же, он очень редко употреблялся на высоком уровне, в школах или в институтах. Другая проблема это его разнообразие и варианты правописания, что типично для микроязыка. Тех людей, которые называли его языком, упрекали ещё в 1990-ых годах в том, что они были введены в заблуждение немецкой пропагандой (Хенчель 2003: 66).

После перестройки положение значительно улучшилось. Появление свободы слова привело кашубов к мнению, что их культура и язык могут свободно развиваться. В 1993 году был переведен Новый завет, и всё же многие польские учёные исходили из того, что кашубский является диалектом (*dialekt kaszubski*; Дейна, 1993: 235). В следующие годы в основном стали более открыто говорить о говорах (*gwary kaszubskie*), а в актуальных научных работах также об этнолекте или даже о языке (*etnolekt/język kaszubski*). Очевидно, потребовалось 150 лет для того, чтобы язык малой народности действительно нашёл поддержку. Сегодня современное положение кашубского (микро-) языка уже исследуется польской стороной, главным образом в трёх институтах: в Варшаве (*Польская академия наук*), в Гданьске (*Институт польской филологии*) и в Познани (*Университет Агама Мицкевича*; Женьюкова 2001: 477-478).

Неблагоприятным фактором является то, что многие поляки приезжают в кашубские районы, где не знают и редко учат кашубский язык. Из-за этого в некоторых местах можно слышать в высшей степени государственный польский язык, на котором все без исключения кашубы говорят в совершенстве. Они являются в данном случае носителями этого государственного польского языка и, бывает, что знают его лучше, чем

свой собственный, кашубский язык. К распространению кашубского языка, мы находим интересную информацию в опросе, проведенном Порембской. Один из вопросов звучал так: „*Безразлично ли Вам, на каком языке Вы общаетесь ежедневно? На польском или на кашубском?*“. 53 процента отвечали „да“, а 47 процентов – „нет“. Второй пример следующий: 50 процентов людей старше 20 лет согласны, что после перестройки говорят чаще по-кашубски. Несмотря на это, треть говорит исключительно по-польски (Порембска, 2006: 155–). Итак, с одной стороны, становится ясно, насколько до сих пор распространено безразличие к местному микроязыку. С другой стороны, 50 лет назад было бы предположительно ещё меньше таких ответов, и поэтому надо подчеркнуть, что кашубский язык стал престижнее, чем раньше. Таким образом, кашубский язык не только занял, но и укрепил своё место в обществе. Однако, данный язык не является всеобъемлющим инструментом ежедневной коммуникации, поэтому в будущем также необходимо будет прилагать усилия для его успешного применения и распространения.

Есть ли перспективы у микроязыков?

Как русинский, так и кашубский языки служат в качестве средств идентификации определенной культуры. Их отношение к большим, близким по происхождению народам не одинаково. Русины в Сербии считают, что они отдельная народность, и, даже если многие из них уже интегрировались в сербское общество, они всё равно считают, что у них своя отдельная языковая и этническая общность. Аргументы, связанные с украинским происхождением стали менее важными (Штегхерр, 2002: 404). Кашубы, однако, считают, что в них соединяется двойная идентичность: у них также своя этническая, культурная и языковая общность, но они в тоже время и поляки (Бреза, 1998: 171).

С обеих сторон было принято много мер, чтобы дать новые перспективы русинскому и кашубскому языкам. В данный момент, кажется, что эти языки не вымирают в большой степени благодаря средствам массовой информации, таким как например, интернет. С другой стороны, наблюдается и другая тенденция, характерная и для языков малых народностей: большие окружающие языки сербский и польский представляют больше возможностей в обществе, например, при обучении или при поиске работы. Можно предположить, что экономические причины оказывают влияние на выбор языка. Переезд в столицы данных государств в Белград или Варшаву означает и улучшение перспектив на будущее, которых в сельских регионах нет. Поэтому также важно получить образование и воспитание на государственных, а не только на региональных языках.

В Сербии уже давно считается, что речь идет о языке, а не о диалекте. Это, как мы видим, связано с геополитическими факторами и только на Украине до сих пор не признаётся существование *микроязыка* в той степени как в Сербии. Подобная ситуация наблюдалась с кашубским

языком, который считался до недавнего времени диалектом польского или говором, но положение изменилось в течение последних 10 лет. Бывшая Югославия была, в отличие от коммунистической Польши, уже по своему определению гетерогенным государством, где сравнительно легко признавались культурные и языковые различия. В Польше, чей народ сильно пострадал в двух мировых войнах, и чья государственная территория долгие годы не существовала, смотрели на эту проблематику иначе. Национальное единство считалось главным аспектом для защиты заново определённых границ, а поэтому другим народностям было не всегда так легко, как в Югославии, развивать свои культуру или язык. После 1989 года поляки, наоборот, стали придерживаться мнения, что малые народности на своей территории обогащают общественную жизнь и, в отличие от послевоенного времени, наблюдается признание дальнейшего языкового развития (Хенчель, 2003: 71). Сегодня политические условия являются даже более благоприятными: Существуют кашубоязычные порталы в интернете (например <http://kaszubia.com/>), программы на телевидении (передача „*Tedë jo*“ на польском канале „*TVP Gdańsk*“) и радио („*Radio Kaszëbë*“, „*Radio Gdańsk*“), а с 2008 года даже музыкальный конкурс „*Kaszubski idol*“ („*Кашубский идол*“).

Вернёмся к разговору о значении микроязыка. Один языковой вариант имеет собственную письменную форму, свою грамматику и словарь. Однако, недостаточно развитую лексику, общественные структуры и обязательное употребление. По сравнению с кашубским языком кажется, что русинский язык имеет больше перспектив и до сих пор более успешен в развитии. Сегодня, он в большей степени чем кашубский язык отвечает предложенному Редером поливалентному аспекту, его внутрилингвистическая ситуация более стабильна (Дуличенко, 1998: 134). Поэтому, можно предположить, что русинский язык сравнительно лучше подготовлен для создания общефункционального, литературного языка, который мы бы назвали „*аусбаушпрахе*“ или „*развийый язык*“. Одной из причин может служить то, что его географическое положение удалено от центрального украинского языкового ареала и не находится в прямом контакте с ним. В связи с этим Дуличенко говорит об островном языковом положении (Штегхерр, 2002: 400). Так в ежедневной жизни различный сербский язык имеет более важное значение. Во-вторых, политическая ситуация в бывшей Югославии была более выгодной для развития собственной культуры, чем в Польше. Русины после 1945 года имели выбор между исчезновением и вымиранием, или напряжённым развитием своего языка и его укреплением в межнациональном обществе. Данное развитие не было возможно на том же уровне в Польше того времени, поэтому надо было довольствоваться выражением „*кашубский диалект*“. К тому же, поляки живут в непосредственном и прямом окружении, т.е. здесь речь идёт о периферийном положении (например, Дуличенко, 1981, 2006). Следующая таблица объединяет главные различия и сходства двух данных микроязыков:

языковое развитие	(югославо-) русинский	кашубский
до 1945 г.	Начало: грамматика, словари, первое творчество и союзы	Начало: грамматика, словари, первое творчество и союзы
1945-1990 гг.	Развитие языка, языковой расцвет и сравнительно большое творчество. Принятие этого организованного процесса. Образование на русинском. Русины – часть в мультиэтнической мозаике Югославии. Благоприятные условия для развития. Заданное представление в государстве: „Единство в разнообразии.“	Развитие языка, но он не признанный (микро-) язык, а считается польским диалектом. Менее благоприятные условия, чем в Югославии. Неприкосновенность территории определяется в значительной степени культурноязыковой гомогенностью. Национальное единство. Заданное представление в государстве: „Разнообразие в единстве.“
после 1990 г.	Война и распад Югославии задерживают развитие языка. Сегодня: далеко ушедшее вперед развитие научной терминологии. Государственная поддержка. Новые перспективы главным образом благодаря интернету и другим средствам массовой коммуникации.	Развитие языка продолжается. Языковой расцвет и благоприятные условия. Принятие, как регионального (микро-) языка. Образование на кашубском. Государственная поддержка. Новые перспективы главным образом благодаря интернету и другим средствам массовой коммуникации.

Таблица 1: Главные различия и сходства русинского и кашубского микроязыков.

Сегодня политическая ситуация благоприятна для развития славянских микроязыков. Несмотря на это, наблюдаются и серьезные проблемы среди сообществ малых народов. Переход к более сильному государственному языку способствует улучшению финансового положения и росту возможностей. С другой стороны, кажется, что русинский язык в Сербии достаточно стабилен. Его письменные творческие труды более развиты, чем у кашубов. Несмотря на это, согласно мнению некоторых авторов, литературный кашубский язык в данный момент развивается и также рождается заново, он теперь *in statu nascendi* (Женьюкова, 2001: 483). Таким образом, необходимо поддерживать общение на родном языке прежде всего дома, передавать его из поколения в поколение и дальше развивать его письменные формы, не забывая о стараниях, усилиях и успехах последних лет.

Литература

- Блуменвиц 1996: Blumenwitz D., Das Recht auf Gebrauch der Minderheitensprache. Gegenwärtiger Stand und Entwicklungstendenzen im europäischen Völkerrecht, 159-202, в: Bott-Bodenhausen K. (изд.), Unterdrückte Sprachen. Sprachverbote und das Recht auf Gebrauch der Minderheitssprachen. Frankfurt am Main.
- Божишковски 1992: Borzyszkowski, J., Antropologia Kaszub i Pomorza: materiały z II seminarium, które odbyło się w maju 1990 r. w Gdańsku. Gdańsk.
- Божишковски-Мордавски-Тредер 1999: Borzyszkowski J., Mordawski J., Treder J., Historia Geografia Język i Piśmiennictwo Kaszubów. Gdańsk.
- Бреза 1998: Breza E., Das Kaschubische, 171-177, в: Rehder P. (изд.), Einführung in die slavischen Sprachen. Dritte Auflage. Darmstadt.
- Дейна 1993: Dejna K., Dialekty polskie. Wydanie 2. przejrzone i poprawione. Wrocław.
- Дуличенко 1981: Дуличенко А., Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития. Таллин.
- 1998: –, Das Russinische, 126-140, в: Rehder P. (изд.), Einführung in die slavischen Sprachen. Dritte Auflage. Darmstadt.
- 2006: –, Современное славянское языкознание и славянские литературные микроязыки, 22-46, в: Дуличенко А., Густавссона С., при участии Данна Д. (изд.), Славянские литературные микроязыки и языковые контакты: Материалы международной конференции, организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов. Тарту, 15-17 сентября 2005 г. Slavica Tartuensia VII. Тарту.
- Женьюкова 2001: Zieniukowa J., Kaszubszczyzna, 477-491, в: Gajda S. (изд.), Język Polski. Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Opole.
- Иванов 1997: Иванов Й., Българска диалектология. Второ издание. Пловдив.
- Клосс 1967: Kloss H., 'Abstand Languages' and 'Ausbau Languages', 29-41, в: Anthropological Linguistics, Vol. 9. No. 7. Trustees of Indiana University. Bloomington.
- Куссе 2009: Kuße H., Kleinsprachenlinguistik: Zur Typologie von Kleinsprachen und den Aufgaben ihrer linguistischen Beschreibung am Beispiel slavischer Kleinsprachen, 41- 60, в: Prunitsch C. (изд.), Konzeptualisierung und Status kleiner Kulturen. Beiträge zur gleichnamigen Konferenz in Dresden vom 3. bis 6. März 2008. Specimina Philologiae Slavicae 155. München/Berlin.
- Медеша 2007: Медеша Г., Од бачваньско-рускей бешеди по руски литературни язык, 154-163, в: Фејса М. (изд.), Русини = Руснаци = Ruthenians: (1745-2005). 1. Поводом 260-годишњице досељења Русина у Бачку. Нови Сад.
- Орос-Манић 2007: Орос Ј., Манић Д., Информација о русинској националној мањини у Војводини, 17-22, в: Фејса М. (изд.), Русини = Руснаци = Ruthenians: (1745-2005). 1. Поводом 260-годишњице досељења Русина у Бачку. Нови Сад.
- Порембска 2006: Porębska M., Das Kaschubische: Sprachtod oder Revitalisierung? Empirische Studien zur ethnolinguistischen Vitalität einer Sprachminderheit in Polen. München.

Рамач 2007: Рамач Ју., Наш народни и литературни јазик, 164-224, в: Фејса М. (изд.), Русини = Руснаци = Ruthenians: (1745-2005). 1. Поводом 260-годишњице досељења Русина у Бачку. Нови Сад.

Редер 1995: Rehder P., Standardsprache. Versuch eines dreistufigen Modells, 352-366, в: Die Welt der Slaven 40.

Сендерс 1995: Sanders B., Der Verlust der Sprachkultur. Aus dem Amerikanischen von Kurt Neff. 3. Auflage. Frankfurt am Main.

Хенчел 2003: Hentschel G., New minor 'Abstandssprachen' under the roof of a genetically close literary language? The case of Polish vs. Kashubian, Silesian and Podhalean, 59- 74, в: Sherzer J., Stolz T. (изд.): Minor languages. Approaches, definitions, controversies. Papers from the conference on 'Minor Languages: Coming to grips with a suitable definition' Bremen, June 2001. Diversitas Linguarum Volume 3. Bochum.

Хорњак 2007: Хорњак М., Бачко-сремски русини, 23-73, в: Фејса М. (изд.), Русини = Руснаци = Ruthenians: (1745-2005). 1. Поводом 260-годишњице досељења Русина у Бачку. Нови Сад.

Штергер 2002: Stegherr M., Rusinisch, 399-408, в: Okuka M. (изд.) 2002: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens 10. Klagenfurt.

Источници информација из интернета

<http://nove.ruskeslovo.com/> (28.12.2011)

http://solejar.tripod.com/old_site.htm (28.12.2011)

<http://kaszubia.com/> (29.12.2011)

Мартин Хенцелман

СТВАРАЊЕ СЛОВЕНСКИХ МИКРОЈЕЗИКА И ЊИХОВЕ ПЕРСПЕКТИВЕ: РУСИНСКИ У СРБИЈИ НАСПРАМ КАШУПСКОМ У ПОЉСКОЈ

Резиме

Русински језик у Србији се, као и кашупски у Пољској, карактерише типичним микролингвистичким обележјима. Овај чланак указује на њих, упоређује њихове лингвистичке ситуације и разматра могуће перспективе у микролингвистици. Штавише, указује на критеријуме који се односе на класификације као што је микројезик. Од највеће важности су њихови проблеми при кодификацији, употреба и језичке могућности.

Русини, насељавајући бачка села у Војводини од 18. века, говоре источнословенским језиком који је одвојив од данашњег украјинског језика. Прве текстове писане на русинском налазимо већ у 18. веку. У бившој Југославији се, нарочито у 70-им годинама, развијају њихова култура и књижевност, при чему се и језик стабилизује. Данас је тај језик у релативно стабилном микројезичком положају.

Ситуација у кашупској заједници се разликује од русинске. Њихов говорни језик у северној Пољској био је дуго класификован као пољски дијалекат. Тек после распада

комунизма могао је да се именује као регионални (микро-) језик и да се лакше развија са циљем опстанка језика. Неки аутори мисле да у данашње време може доћи до оживљавања кашупског језика. Ипак остају проблеми као што су лингвистичка и друштвена ограничења у његовој примени и развоју.

Тек данас, с друге стране, може лако да се прошири језички простор и обим захваљујући новим масовним медијима као што је интернет. Предност је да русински и кашупски микројезици већ користе ове комуникационе медије, али треба и да се сопствени језик преноси са генерације на генерацију да би он остао жив и да би се задржала могућност даљег развоја.

Кључне речи: русински језик у Србији, кашупски језик у Пољској, микројезик, лингвистичке перспективе микројезика

*Примљен марта 2012.
Прихваћен за штампу јуна 2012.*